

Разиньков Михаил Егорович

ПРИЧИНЫ, ФОРМЫ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ "БОЕВОЙ ЖЕСТОКОСТИ" В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Статья посвящена проявлениям "боевой жестокости" в годы Гражданской войны в России. Рассмотрены важнейшие причины, формы и психологические последствия ожесточения в бою. Особое внимание обращено на переживания воевавших по поводу участия в расстрелах, а также на формирование чувства ненависти к врагу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. II. С. 156-160. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Брандт Х. Х.** Франц Иосиф I Австрийский // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры / пер. с нем. Е. С. Самойловича. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.
2. **Виноградов В. В.** Исследование понятия «конституционализм» и его типологии неюридическими науками // Вестник Волгоградского государственного университета. 2009. № 11. С. 4-10.
3. **Захаров Н. А.** Система русской государственной власти. М.: Изд-во журнала «Москва», 2002. 390 с.
4. **Звездич П.** Австрия // Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Североамериканских Соединённых Штатах / под ред. Е. Смирнова. СПб.: Издание Н. Глаголева, 1904. 322 с.
5. **Лоуэлль А. Л.** Правительства и политические партии в государствах Западной Европы (Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия, Швейцария) / пер. с англ. О. Полторацкой; под ред. Ф. Смирнова. М.: Издание С. Скирмунта, 1905. 644 с.
6. **Gesetz vom 21. December 1867** // Reichs-Gesetz-Blatt für das Kaiserthum Oesterreich. Wien: Aus der k.k. Hof- und Staatsdruckerei, Jahrgange 1860-1901 (R.G.B.). Jahrgang 1867. LXI Stück. 141. S. 389-394.
7. **Ibidem.** 146. S. 401-406.
8. **Kaiserliches Diplom vom 20. October 1860** // Ibidem. Jahrgang 1860. LIV Stück. 226. S. 336-338.
9. **Kaiserliches Diplom vom 26. Februar 1861** // Ibidem. Jahrgang 1861. IX Stück. 20. S. 69-71.
10. **Landes-Ordnung und Landtags-Wahlordnung für das Erzherzogtum Oesterreich unter der Enns** // Ibidem. Beilage II zu Nr. 20 a. S. 75-90.
11. **Oesterreichische Bürgerkunde.** Wien, 1909.
12. **R.G.B.** Jahrgange 1899-1901. Inhalte.
13. **Staatsgrundgesetz über die Ausübung der Regierungs- und der Vollzugsgewalt vom 21. December 1867** // R.G.B. Jahrgang 1867. LXI Stück. 145. S. 400-401.

**MONARCHIC RIGHT IN CONSTITUTIONAL LEGISLATION
AND POLITICAL HISTORY OF AUSTRIA (1860-1918)**

Oleg Evgen'evich Prudnikov
Department of State and Law Theory
Volgograd State University
o.prudnikov@mail.ru

The article is devoted to the solution of the questions about the place and role of monarchic right in the constitutional legislation of Austria of the 60s of the XIXth century. The author determines the form of the manifestation of the new political regime of the House of Habsburg's imperial monarchy at the stage of the transition from authoritarianism to democracy during 1860-1918. Studying the historical originality of this regime form allows considering the possibility of the further development of the theory of the question about the typology of constitutional monarchies.

Key words and phrases: Austrian monarchic right; stage of initial restriction of monarchy; sovereignty of monarchy under the conditions of constitutional state; post-absolutist autocracy; post-absolutist type of constitutional monarchy.

УДК 94(47+57)“1918/1920”

Статья посвящена проявлениям «боевой жестокости» в годы Гражданской войны в России. Рассмотрены важнейшие причины, формы и психологические последствия ожесточения в бою. Особое внимание обращено на переживания воевавших по поводу участия в расстрелах, а также на формирование чувства ненависти к врагу.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война; военная антропология; военная психология; жестокость в бою; ненависть; расстрелы.

Михаил Егорович Разиньков, к.и.н.
Кафедра истории, политологии, культурологии
Воронежская государственная лесотехническая академия
razinkov_mihail@mail.ru

**ПРИЧИНЫ, ФОРМЫ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ПРОЯВЛЕНИЙ «БОЕВОЙ ЖЕСТОКОСТИ» В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ®**

Поведение человека в ходе военных действий - предмет изучения не только военной психологии, но и военной антропологии. В российской историографии это направление оформилось относительно недавно, но показало себя продуктивным подходом к исследованию феномена войны [10; 11; 25; 30; 36; 37]. В данной

статье будет рассмотрен такой элемент поведения военного, как «боевая жестокость», т.е. суровое, безжалостное отношение к противнику.

Научная новизна статьи заключается в исследовании многообразных проявлений жестокого поведения в бою и в ходе военных действий, их причин и последствий, т.е. создании комплексного представления об указанном феномене. Важный аспект новизны в том, что «боевая жестокость» изучается на материалах Гражданской войны в России.

Причины и формы жестокости. В воспоминаниях и белых, и красных содержится множество сюжетов, отражающих *высокую степень жестокости к противнику в ходе непосредственного боевого столкновения*: «Наши “ура” не кричат. Работают с крепко сжатыми зубами. По-моему, без криков должно казаться гораздо страшнее. Соппротивление встречаем упорно. Работают иногда штыками... Около дач, на шоссе, где больше всего было засевавших, убитые лежат один на другом. О взятии в плен никто не заикается. Их нет. Вот из одного дома вытаскивают нескольких упирающихся коммунистов. Их тут же кого расстреливают, кого прикалывают. Ни звука о пощаде, ни звука о помиловании. Видно, что сошлись смертельные враги, и пощады ждать нечего. Не просят» (октябрь 1919 г., бои под Петроградом) [2, с. 544].

Причинами такой жестокости были различные факторы. Прежде всего, следует упомянуть *боевую ярость*. Находясь в бою, солдат может испытать чувство сильнейшей ненависти к противнику. Например, в ходе атаки красный командир Бондаренко, богатырь по природе, проколол белого офицера, поднял его на штык и бросил в наступающую белогвардейскую цепь, вызвав там приступ паники [6, с. 144].

Следующим фактором можно назвать *упорство врага*. Наиболее боеспособные части с каждой стороны сражались до конца и подлежали уничтожению, даже если их участники пробовали сдаться в плен. Белые поэтому часто не брали в плен красных курсантов, латышских стрелков, венгров [14, с. 30; 26, с. 98, 372, 424-427, 431, 551; 44, с. 107-108]. Аналогичная судьба ждала офицеров-корниловцев, марковцев, дроздовцев.

Ожесточение бою придавало *чувство отчаяния*, например, в ходе прорыва из окружения. Так, окруженные и оставшиеся без патронов матросы бросались на всадников-белогвардейцев и душили их [9, с. 360]. Комбриг Г. И. Котовский вспоминал, как окруженные стрелки-офицеры сражались до последнего и были все перебиты [13, с. 479-480; 16, с. 183-184; 26, с. 215-216; 27, с. 200].

Жестокость в бою могла быть *местью за зверства противника*. Изуверства над живыми, глумление над трупами постоянно упоминаются в мемуарах обеих сторон. Ответом на зверства становились массовые расстрелы пленных, избиение сдающихся [2, с. 415; 4, с. 186; 13, с. 357; 16, с. 199]. «“Кровь за кровь” - этот беспощадный закон воскрес в наш бурный век», - отмечал В. М. Примаков [41, с. 242]. «Идет отмщение, идет возмездие», - вторил ему М. Г. Дроздовский [5, с. 72]. После того как красные замучили его офицеров и открыли по белым огонь разрывными патронами, Дроздовский расстрелял несколько партий пленных красноармейцев [3, с. 230; 13, с. 153; 19, с. 577].

Важнейшим источником жестокости становилось чувство ненависти к врагу. Ненависть проистекала не только из перечисленных выше качеств, присутствовавших в психологии боя, но также сознательно культивировалась в воюющем человеке *плакатной или газетной агитацией, приказами военачальников, советами людей бывалых*.

Известно, что образ врага в плакатной агитации сознательно демонизировался, ему придавались зверообразные черты. Изображения чудовищного Врангеля с когтями, шагающего на фоне виселицы, или зверообразного Троцкого, выползающего из-за окровавленной кремлевской стены, - эти элементы агитации вызвали к чувству ненависти.

Искренней ненавистью наполнены слова В. И. Ленина, направленные против восставших летом 1918 г. крестьян: «Кулаки - самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры... Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны... Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся... Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалют бедных крестьян. Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им! Ненависть и презрение к защищающим их партиям: правым эсерам, меньшевикам и теперешним левым эсерам!» [28, с. 40-41].

Аналогичные пассажи можно встретить в приказах красных командиров, обещавших разрушить дома, станицы, города, расстрелять сопротивляющихся и приводивших свои угрозы в исполнение [20, с. 418-420; 43, с. 101]. Белые отвечали сходной ненавистью. Барон Р. Ф. Унгерн в приказе от 21 мая 1921 г. призывал: «В борьбе с преступными разрушителями и осквернителями России помнить, что... мера наказания может быть лишь одна - смертная казнь разных степеней», «...комиссаров, коммунистов и евреев уничтожить вместе с семьями» [42, с. 232].

Большое значение в воспитании чувства ненависти имели советы бывалых людей. Например, опытный кавалерист мог советовать необстрелянному в бою «серчать больше»: это сделает удар точнее, сильнее, «злее» [24, с. 56]. Е. И. Поздняков отмечал, что в конном бою «надо дать волю клокочущей ненависти, в едином порыве забыть о страхе» [32, с. 199]. Другой кавалерист, С. М. Кривошеин, обстоятельно объяснял: «Ненависть к врагу удешевляет силы. Она делает удар бойца разящим и беспощадным, делает воина страшным для противника. Ненависть пробуждает в бойце смелость, храбрость и находчивость. Без ненависти к врагу нельзя воевать, нельзя побеждать. За эту жизненную науку я и сейчас сердечно благодарен товарищу

Безуглому. Я убежден, что именно она (*т.е. наука ненависти к врагу - М. Р.*) провела меня по жизни без зигзагов, прямым путем» [24, с. 131-132].

Чувство мести, справедливого наказания делало возможным появление в мемуарах описаний жестокостей, относило беспощадность к числу воинских доблестей: «...отделения 3-го взвода продолжали преследование на улицах села. Чем дальше в лихом и быстром преследовании бежали вперед, тем гуще перед ними были красные. Последние бежали, как куры перед автомобилем. Офицеры стреляли на бегу в упор, кололи...» (февраль 1918 г., «Ледяной поход») [29, с. 98].

Еще одним аспектом «боевой жестокости» следует считать *добровольное участие в расстрелах, карательных мероприятиях* [5, с. 31-32; 17, с. 90; 22, с. 88]. В первые месяцы войны постоянные расстрелы были отражением идеи борьбы до конца, до полного истребления противника [4, с. 182, 196; 5, с. 41, 44, 51-52; 7, с. 98-99; 19, с. 238, 244; 26, с. 98; 39, с. 204; 41, с. 188]. Но ожесточение сохранялось и впоследствии. А. И. Деникин писал по этому поводу: «Нужно было время, нужна была большая внутренняя работа и психологический сдвиг, чтобы побороть звериное начало, овладевшее всеми - и красными, и белыми, и мирными русскими людьми. В Первом походе (*1-й Кубанский (или Ледяной) поход, февраль-март 1918 г. - М. Р.*) мы вовсе не брали пленных. Во Втором (*2-й Кубанский поход, июнь-август 1918 г. - М. Р.*) - брали тысячами. Позднее мы стали брать их десятками тысяч. Это явление будет результатом не только изменения масштаба и методов борьбы, но и эволюции духа» [19, с. 577].

Профессиональные военные часто воспринимали расстрел как необходимую хирургическую операцию, что следует, по-видимому, считать неотъемлемой чертой их психологии. Один из участников Белого движения, описывая расстрел из пулемета двухсот пленных, участников восстания в Евпатории (январь 1919 г.), отмечал по этому поводу в дневнике: «По-моему, этот род действия правилен, так как с такой публикой нельзя иначе разговаривать» [1, с. 269]. Ему вторили белогвардейцы А. Гершельман и Б. А. Штейфон. Первый рассказывал, как у командира его части «расстрелы... проходили безболезненно для жертвы. Обыкновенно приговоренному и не говорили, с какими намерениями его отводят в сторону, а выражение «отправить в штаб Урицкого» было им неизвестно. Отойдя несколько шагов, он получал три пули в спину и неожиданно для себя отправлялся на тот свет. Обыкновенно части предпочитали производить расстрелы тут же на месте» [2, с. 415]. Второй вообще посвятил целый пассаж «благотворному влиянию» расстрелов (!!!): после проведенной мобилизации Штейфон приказал расстрелять нескольких вероятных коммунистов, начавших агитацию среди мобилизованных, в результате чего в поведении новобранцев произошел резкий перелом - «два часа назад это была опасная и злобная толпа. Теперь это были русские люди, вновь как бы себя нашедшие. Их застывшие сердца вновь отогрелись и своею теплотою возвращали им черты на время забытой человечности» [5, с. 324-325].

В сознании многих руководителей Белого движения именно отсутствие жестоких мер - расстрелов, смертной казни - было важнейшим фактором прихода к власти большевиков и начавшегося гражданского кровопролития. Атаман А. П. Богаевский заявлял, что только «благодаря сентиментальности господ Керенского и К^о, своевременно не расстрелявших Ленина и всю сволочь, которую немцы преподнесли нам в запечатанном вагоне, погибла Россия, пролились реки крови и напрасно погибли миллионы людей, замученных большевиками и погибших от голода. А ведь что стоило тому же Керенскому послать в свое время только одну роту надежных солдат к дворцу Кшесинской и тут же, на Троицкой площади... повесить бы всю эту теплую компанию, которая совершенно безнаказанно, открыто призывала солдат к измене» [4, с. 26].

Многие красные также смотрели на расстрел как на суровую, но необходимую меру, зачастую одобряли бессудные расправы, считая их справедливой мстью за прежние унижения «трудового класса», наказанием за отказ отвечать на допросах и т.п. [15, с. 103, 114; 33, с. 111; 34, с. 193; 35, с. 21]. Красных курсантов, интернационалистов белые ненавидели не только за упорство в бою, но еще и за исполнительность в отношении смертных приговоров. Во многих частях интернационалистов даже в 1918 г. сохранялись порядок, дисциплина, обеспечивавшие выполнение мер красного террора. Принадлежность к другой национальности позволяла не размышлять над проблемой «братоубийственной» войны - интернационалисты просто расстреливали [14, с. 30].

Впрочем, не все воспринимали расстрелы как однозначно необходимую операцию. В мемуарах белогвардейцев (красные о своих переживаниях по этому поводу писали более однозначно) звучат ноты сочувствия расстреливаемым, а порой и раскаяния за содеянное. А. Енш вспоминал: «Провели пленных. Они жмутся кучей, быстро исподлобья озираются вокруг, болтаются руки... Глухие, короткие выстрелы за сараем - черная работа войны» [2, с. 489]. Целую галерею описаний трагедии расстрелов создал участник «Ледяного похода» Р. Б. Гуль [17]. С. М. Пауль до конца жизни помнил, как передал чехам пленного красногвардейца, которые его наверняка расстреляли: «Что с этим “товарищем” сделали, я не знаю, но с моей стороны это было предание его смерти. И делалось это спокойно, не задумываясь, как обязанность или долг. Покрыто угаром и туманом, и все-таки есть над чем призадуматься... человек не имеет права осуждать и судить другого человека. Ведь иногда думаю же я так, а тогда что было? Мог спасти лишнюю человеческую жизнь и осудил ее!..» [4, с. 194-195]. Неслучайно в дальнейшем прапорщик С. М. Пауль стал священником.

Несмотря на то, что раскаяние могло прийти и позднее, следует отметить, что ни Р. Б. Гуль, ни С. М. Пауль никогда не вызывались добровольцами в расстрельные команды. Трагедия Гражданской войны заключается в том, что недостатка в таких добровольцах не было.

Что касается других видов карательных мероприятий, то казаки и белогвардейцы охотно применяли порки, причем это считалось актом милосердия: выпоротый избегал смертной казни. Для усиления «морального эффекта» пленных могли заставить выпороть друг друга, а порой и копать яму якобы для расстрела [5, с. 19; 12, с. 549; 21, с. 87].

Последствия ожесточения. *Жестокость войны делала человека невосприимчивым к ужасам войны, озлобляла.* Люди привыкали отдыхать и праздновать «с видом на виселицы» [13, с. 58], считали беспечно строящего мост противника «лакомым кусочком» и сожалели об отсутствии патронов, чтобы его убить [26, с. 244].

Подъесаул Н. И. Гулый с удовольствием рассказывал, как пороли по станицам «большевиков и большевизанов» (*сочувствующих большевикам - М. Р.*), как мести попавшим в плен китайцам: «Этих обезьян Штригель порол собственноручно каждое утро. После порки каждый китаец считал своим долгом поклониться Штригелю в ноги и тоненьким голосом сказать “спасипа”. При этом обыкновенно по щекам китаец текли “слезы благодарности”» [38, с. 478-479]. В мемуарах подполковника Ф. Ф. Мейбома множество описаний боевых ситуаций, которые показывают, что злость на коммунистов не перегорела у него и в послевоенные годы. Описывая бой лета 1918 г., он отмечал: «Дружный залп наших винтовок и пулеметов... Красноюки заметались, как белка в клетке!.. Первая цепь красноюков скошена, как косят траву. Вторая цепь залегла» [44, с. 117]. Рассказывая об истреблении пьяных красноармейцев, Мейбом вполне сочувственно цитирует пострадавшего местного жителя Михеича: «Трупы оттащите от хаты, бросьте в овраг в кусты. Как только мы отсюда уйдем, волки сделают что нужно - собаке собачья смерть!» [Там же, с. 87]. Красный диверсант Х. М. Мугуев, увидевший мирный быт прикаспийских землевладельцев, укорял партизан: «Ну, скажи на милость, где это видано, чтобы под самым носом у повстанцев стояли нетронутыми помещичьи стога, экономии, гудели провода, работали почта и телеграф? Ведь у нас гражданская война... белых надо бить, жечь, рубить, а это что?» [31, с. 97].

«Боевая жестокость», являющаяся, в принципе, нормой для боевых действий, *могла перерасти в «боевое озверение», уродование пленных, надругательство над еще живым противником*, что уже рассматривалось участниками войны как патология [19, с. 577; 38, с. 562, 566, 568], за такое могли наказывать. Наказывали и за чрезмерную жестокость. П. В. Колтышев вспоминал, что даже славившийся ненавистью к большевикам Дроздовский во время Ясского похода был вынужден отстранить от должности командира сводно-стрелкового полка генерал-майора В. В. Семенова «за его жестокость в отношении арестованных красноармейцев, а иногда и ни в чем неповинных мирных жителей» [23, с. 356]. М. В. Фрунзе в приказе от 1 мая 1919 г. резко осудил убийство пленного офицера в штабе одной из бригад (офицер был заколот в ходе допроса), указывая на то, что пленный мог знать важные сведения, а также на то, что белые офицеры после таких расправ никогда сдаваться не будут [40, с. 166-167].

Таким образом, жестокое поведение в бою и в ходе военных действий объясняется множеством факторов: боевой яростью, упорством врага, чувством отчаяния, мстью, ненавистью, возбуждаемой агитацией и советами опытных бойцов. Сама жестокость могла проявляться не только в ходе боя, но и после него, выражаясь в массовых расстрелах пленных. Жестокость в ходе военных действий оказывала значительное влияние на психику воюющих: формировалась защитная реакция на ужасы войны (невосприимчивость к виду убитых), развивалась привычка к агрессии (озлобление, озверение). Исследование также показало, что для профессионального военного характерна склонность к обезличиванию противника, восприятию его как «объекта», который можно и нужно «устранить» (уничтожить в бою, расстрелять). С другой стороны, мораль профессионального военного осуждала излишнюю жестокость, а тем более зверства.

Список литературы

1. **Архив русской революции:** в 22-х т. М.: Терра; Политиздат, 1991. Т. 4. 288 с.
2. **Белая борьба на Северо-Западе России** / под ред. С. В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2003. 687 с.
3. **Белое движение: исторические портреты:** Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель... / сост. А. С. Кручинин. М.: Астрель; АСТ, 2006. 446 с.
4. **Белое дело:** в 16-ти т. М.: Голос, 1993. Т. 2. 368 с.
5. **Там же.** М.: Голос; Сполохи, 1996. Т. 7. 368 с.
6. **Блюхер В. К.** Статьи и речи. М.: Воениздат, 1963. 232 с.
7. **Будённый С. М.** Пройденный путь. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1958. Т. 1. 448 с.
8. **Там же.** М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1965. Т. 2. 392 с.
9. **В боях за Царицын:** сб. воспоминаний / под ред. М. Я. Клейнмана. Сталинград: Сталинградское книжное издание, 1959. 398 с.
10. **Военно-историческая антропология: предмет, задачи, перспективы развития:** ежегодник-2002. М.: РОССПЭН, 2002. 400 с.
11. **Военно-историческая антропология: новые научные направления:** ежегодник-2003/2004 / под ред. Е. С. Сенявской. М.: РОССПЭН, 2005. 464 с.
12. **Восточный фронт адмирала Колчака** / сост. С. В. Волков. М.: Центрполиграф, 2004. 651 с.
13. **Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа** / сост. С. В. Волков. М.: Центрполиграф, 2002. 639 с.
14. **Гарашин Р.** Красные гусары: мемуары. М.: Воениздат, 1970. 240 с.
15. **Голиков Ф. И.** Красные орлы: из дневников 1918-1920 гг. М.: Воениздат, 1959. 328 с.
16. **Гончаров А. А.** Шел отряд по берегу... Одесса: Одесское книжное издательство, 1963. 220 с.
17. **Гуль Р. Б. Ледяной поход. Деникин А. И. Поход и смерть генерала Корнилова. Будберг А. Дневник: 1918-1919 годы.** М.: Молодая гвардия, 1990. 318 с.

18. Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 3-х кн., в 5-ти т. М.: Айрис-пресс, 2006. Кн. 1. Т. 1. 592 с.
19. Там же. Кн. 2. Т. 2-3. 736 с.
20. Дневники казацких офицеров / сост. П. Н. Стрелянов (Калабухов). М.: Центрполиграф, 2004. 362 с.
21. Добровольцы: сб. воспоминаний. М.: Русский путь, 2001. 336 с.
22. Донская армия в борьбе с большевиками / сост. С. В. Волков. М.: Центрполиграф, 2004. 655 с.
23. Дроздовский и дроздовцы / науч. ред. В. Ж. Цветков. М.: НП «Посев», 2006. 692 с.
24. Кривошеин С. М. Сквозь бури: воспоминания. М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1959. 254 с.
25. Кринко Е. Ф. Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941-1945 годах // Российская история. 2010. № 5. С. 74-89.
26. Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917-1920 годах: воспоминания и документы / отв. ред. Я. П. Карстынь; сост. Я. П. Карстынь, А. И. Спреслис. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1962. 528 с.
27. Легендарный комбриг: сб. док. и материалов о Г. И. Котовском / сост. Б. Н. Ройтман и др. Кишинев: Картя Молдовеныскэ, 1982. 660 с.
28. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1977. Т. 37. 748 с.
29. Марков и марковцы / под ред. В. Ж. Цветкова. М.: Посев, 2001. 552 с.
30. Морозова О. М. Кадровый состав и внутриармейские отношения в вооруженных формированиях в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 26-38.
31. Мугуев Х. М. Весенний поток: военные мемуары. М.: Советский писатель, 1963. 327 с.
32. Поздняков Е. И. Юность комиссара. М.: Воениздат, 1962. 224 с.
33. Полупанов А. В. Свобода или смерть. Донецк: Донбасс, 1966. 246 с.
34. Разгром Колчака: сб. воспоминаний / под ред. Л. М. Спирина. М.: Воениздат, 1969. 296 с.
35. Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М. - Л.: Государственное изд-во, 1925. 280 с.
36. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
37. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
38. Сопротивление большевизму: 1917-1918 гг. / сост. С. В. Волков. М.: Центрполиграф, 2001. 606 с.
39. Трагедия казачества: в 2-х т. М.: Терра; Книжная лавка - РТР, 1996. Т. 1. 448 с.
40. Фрунзе М. В. Неизвестное и забытое: публицистика, мемуары, документы, письма. М.: Наука, 1991. 272 с.
41. Этапы большого пути: воспоминания о Гражданской войне / ред. В. Д. Поликарпов. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1962. 528 с.
42. Юзефович Л. А. Самодержец пустыни: феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга. М.: Эллис Лак, 1993. 272 с.
43. Ярославское восстание: июль 1918. М.: Посев, 1998. 112 с.
44. 1918 год на Востоке России / сост. С. В. Волков. М.: Центрполиграф, 2003. 463 с.

REASONS, FORMS AND PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES OF "FIGHTING CRUELTY" MANIFESTATIONS IN CIVIL WAR

Mikhail Egorovich Razin'kov, Ph. D. in History
Department of History, Political Science and Culturology
Voronezh State Forestry Engineering Academy
razinkov_mihail@mail.ru

The article is devoted to the manifestations of "fighting cruelty" during Civil War in Russia. The author considers the most important reasons, forms and psychological consequences of exasperation in battle and pays special attention to warriors' anxieties concerning participation in shootings and also to the formation of the feeling of hate towards the enemy.

Key words and phrases: Civil War; military anthropology; military psychology; cruelty in battle; hate; shootings.

УДК 94(47).047/048

В статье исследуется вопрос об основных принципах назначения на воеводскую службу русских полковников и генералов «нового строя». Назначение воеводой считается частным проявлением правительственной политики в сфере местного управления. Рассмотрены воеводские карьеры известных русских командиров. Делается вывод о смешанном характере воеводской службы русских командиров «нового строя».

Ключевые слова и фразы: воевода; полковники и генералы; полки «нового строя»; служба; местное управление.

Александр Александрович Рогожин
Кафедра истории России
Орловский государственный университет
rogozhin_alexander@bk.ru

ВОЕВОДСКАЯ СЛУЖБА РУССКИХ КОМАНДИРОВ ПОЛКОВ «НОВОГО СТРОЯ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА[©]

Вопрос о принципах назначения на должности городских воевод во второй половине XVII в. является очень интересным и малоизученным в таком аспекте, как пожалование воеводством русских полковников и